

УДК 72.01; 701
ББК 85.1; 85.11; 85.113(3); 85.118

Дуцев Михаил Викторович

Доктор архитектуры, доцент, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды и профессор кафедры архитектурного проектирования Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ); ведущий научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства – филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» (НИИТИАГ); советник Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), 603950, Россия, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
ORCID ID: 0000-0001-8892-6841
ResearcherID: O-3458-2018
nn2222@bk.ru

Ключевые слова: архитектурная среда, актуальное искусство, современник, перформативность, человек, история, реальность, художественная интеграция

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2022 год.

Дуцев Михаил Викторович

Архитектурная среда как современник

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2022-4-34-81

Для цит.: Дуцев М.В. Архитектурная среда как современник // Художественная культура. 2022. № 4. С. 34–81. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-4-34-81>.

For cit.: Dutsev M.V. Architectural Environment as a Contemporary. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2022, no. 4, pp. 34–81. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-4-34-81>. (In Russian)

Dutsev Mikhail V.

Doctor of Architecture, Associate Professor, Head of the Department of Architectural Environment Design, Professor of the Department of Architectural Design of Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering; Leading Researcher of the Department of Problems of the Theory of Architecture, Institute of Theory and History of Architecture and Urban Development; Councilor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, 65 Ilinskaja Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8892-6841
ResearcherID: O-3458-2018
nn2222@bk.ru

Keywords: architectural environment, contemporary art, contemporary, performativity, person, history, reality, art integration

The article was prepared within the Program for Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation for 2022.

Dutsev Mikhail V.

Architectural Environment as a Contemporary

Аннотация. В статье сделана попытка осмысления значения *современного* в ракурсе актуальной архитектурной среды. Пространственное окружение человека одновременно является контекстом и объектом творчества архитектора, источником интерпретаций, сомнений и смелых предположений. Времена, когда *современное* воспринималось исключительно с позиции вызова и революционной новации, позади. Представляется гораздо более существенным трактовать заявленное понятие в совокупности ведущих тенденций, концептуальных и эстетических сдвигов в подходах и языке архитекторов, созвучных времени. Автором статьи предложена модель нового художественного измерения архитектуры, представляющая интеграцию ключевых пластических мотивов, обусловленных обновленной реальностью архитектурного творчества: историко-культурной, социальной, экологически ориентированной, медийной, перформативной. Особый акцент сделан на философии встречного движения архитектора и художника, которое сегодня позволяет говорить об архитектурной среде как об актуальном искусстве — остром, откровенном, амбициозном, открывающем личные переживания и истории своему адресату. Такой доверительный диалог архитектора-художника и пользователя подвигает к целостному пониманию архитектурно-художественной среды как нашего *современника* и как вечного *собеседника*, преодолевающего время.

Abstract. The article attempts to comprehend the meaning of the *contemporaneity* in the perspective of the current architectural environment. The spatial environment of a person is both the context and the object of the architect's creativity, a source of interpretations, doubts and bold assumptions. The times when "modern" was perceived exclusively from the position of challenge and revolutionary innovation are over. It seems much more essential to interpret the stated definition in the totality of the leading trends, conceptual and aesthetic shifts in the approaches and language of architects, consonant with the time. The author of the article proposes a model of a new artistic dimension of architecture, representing the integration of key plastic motifs conditioned by the updated reality of architectural creativity: historical and cultural, social, environmental, media, performative. Special emphasis is placed on the philosophy of the oncoming movement of the architect and the artist, which today allows us to talk about the architectural environment as an actual art — sharp, frank, ambitious, revealing personal experiences and stories to its addressee. Such a confidential dialogue between the architect-artist and the user encourages a holistic understanding of the architectural-art environment as our "contemporary" and as an eternal "interlocutor" overcoming time.

Введение. Противоречия современного

Современное — понятие противоречивое, так как всегда пробуждает в нас полярные ощущения и отношения. Современное — диссонансное, многоголосое, грубое, китчевое. Оно же и «совершенное» — признание некоего превосходства над прошлым. Современное желаемо и опасно одновременно! Как же позиционируется сегодня, ощущается и проживается пространство-современник, архитектура-современник, среда-современник?

Современное очаровывает и зачаровывает, даже — гипнотизирует, имея определенную таинственную власть над умами современников, причем людей разных поколений и противоположных взглядов. Вероятно, следует говорить о своеобразной магии современного. Это понятие зачастую претендует на роль определяющего критерия в том или ином соревновании, становится пропуском для идей и проектных предложений, не всегда реализуемых, но становящихся известными, влиятельными, притягательными. Это одна сторона.

Существует обратная сторона: пугающий пафос нового, боязнь риска. При этом интересна судьба понятия на каждом историческом этапе и, например, сегодня. Со-временное — соответствующее времени. Но и время для каждого разное, оно даже длится не одинаково. Современное в этом плане, как и мода, — субъективно и обманчиво.

Что современно в архитектуре? Пожалуй, сегодня наиболее удачное время для мудрых ответов на этот вопрос. Их будет множество... или — ответа не будет. Постмодернизм по всем параметрам не современен. Еще недавно актуальная параметрика (доктрина параметрического проектирования) — слишком очевидна, излишне замкнута на себе и не всегда оправдывает собственные постулаты. Экологическая направленность актуальна, но она, скорее, вне времени. К подобному же вечному режиму следует отнести и концептуальное творчество в архитектуре. Возможно, современен социальный поворот, отказ от красоты в пользу этики (столь нашумевший), урбанистика и прочие игры (иной раз оправданные и благородные) вокруг человека? Да, но здесь мало собственно архитектуры, формы, языка. Можно было бы заключить, что современен сам подобный стиль мышления, подход, но тогда мы распишемся в том, что современность обходится по-

просту без профессионалов, то есть без нас. Здесь, безусловно, есть, о чем задуматься...

Допустимо акцентировать отдельные течения, закономерности или даже строительные материалы в свете темы. Например, стекло — современно уже как минимум столетие или больше. Сам принцип прозрачности, проницаемости взамен непреступной массы стены не раз характеризовался как поворотный пункт в профессиональном сознании. Традиционно нов авангард начала XX века — это уже совершенно законный статус. Можно продолжить ряд, но остановимся.

Из нашего беглого обзора следует, что на статус современного претендуют знаковые, но зачастую вневременные идеи. Причем круг этих интенций имеет вполне определенный художественно-пластический характер, наверное, по причине изначальной антитезы классике, признанной на уровне архетипа ордерной традиции. Упрощение, утрированные пропорции и цвет, приоритет плоскости, нарушение масштаба, динамизм, нелинейные поверхности, «обманные» приемы — это не строгий, но убедительный ряд черт, адресующих к чувству нового, созвучному изменяющемуся времени.

Можно с определенной иронией предположить, что существует круг посылов, живущих в истории смыслов и форм, которые трактуются как традиционные или современные. Таким образом, и понятие «современность» — лишь метка нашего выбора. Основываясь на выводе о решающей роли человека в вопросе определения степени новизны и признания современного, есть смысл увидеть изначальный посыл адресности в совокупном средовом произведении, что работает не только в бытовом, но и в культурном контексте. Так, хочется поприветствовать понятие современности как *длящейся, неразрывной связи*, предложенное Ю.П. Волчком [1]. Связи пространственно-временной, цивилизационной, междисциплинарной и личностной.

Современное и художественная трансформация профессии

Новая художественная реальность — пожалуй, наиболее существенный поворот современной архитектуры, разобраться в котором далеко не просто. Ожидаемо будет обнаружить в новом меньше деликатности, утонченности, проникновенности, поэзии. Достаточно давно утратили главенствующие позиции ордерное начало и весь декоративный

строй, присущие традиционным стилям. Можно констатировать, что классическая тектоника (от целого здания до детали) как таковая претерпела существенные метаморфозы, и это зачастую воспринимается как отступление художественного начала вообще, его «выветривание» из профессии. Вероятно, в этой максиме есть своя логика, но все же эмоционально-образный, эстетический критерий не покинул архитектуру, а приобрел свои особые русла и формы. Однако признаем, что обиходным понятием красоты применительно к сегодняшней среде пользоваться все более затруднительно... Необходим пересмотр терминов и подходов, хотя бы временная, но пауза в однозначных суждениях!

Трансформация художественных мотивов и творческих процессов новой архитектурной реальности идет по следующим основным направлениям:

- интеграция и переосмысление языков искусства;
- индивидуализация художественных методов и приемов архитекторов;
- сотворчество художников, архитекторов, дизайнеров и пользователей;
- средовые интервенции искусства и художественные акции;
- виртуальные архитектурно-художественные взаимодействия.

Приведенные выше направления возникают и реализуются в междисциплинарном поле взаимодействия в диалоге начала художественно-эстетического с концептуальными и дизайнерскими стратегиями, а также под влиянием объективных условий общества потребления: включенности социума, растущего медийного поля, частой смены приоритетов. При этом особое значение имеют именно метаморфозы самих художественно-пластических кодов формообразования и пересмотр связанных с ними смыслов. Символические и, естественно, промежуточные итоги эволюции взаимного влияния архитектуры и искусства могут быть представлены в виде неиерархической ветвящейся системы взаимно переплетающихся и вступающих друг в друга тенденций:

- вытеснение традиционной ордерной тектоники в пользу абстрактной геометрии и далее — от канона зрелого модернизма к новейшему словарю архитектурной формы (дигитальной, трансформируемой, открытой);

- органическая линия авангарда на пути к экспериментальному синтезу формы, цвета, звука и их физиологического восприятия;

- творческие интуиции и научные исследования нелинейного поведения систем в становлении нового «ордера» пространственной кривизны;

- продление органического подхода в сторону непосредственного восприятия естественных феноменов человеком, осмысление сверхфеноменального опыта;

- обращение к «искусству стихий» и мотивам природы, бионика, художественный биоморфизм и структурная биомиметика;

- иллюзии и дематериализация в архитектуре и архитектурной среде, свойство «мерцательности» (термин Э. Диллер, Р. Скофидио);

- театрализация и сценарное прочтение городского пространства, проявление «сценических» качеств профессии, город как средовой спектакль;

- многомерный архитектурно-художественный диалог с адресатом в постоянно меняющемся социальном контексте (с учетом универсального дизайна и инклюзивных программ);

- перформативное измерение среды как соотносительность с течением времени, постоянная вовлеченность пользователей и обитателей среды жизни;

- движение от искусства архитектуры к дизайну на уровне события, объекта или окружающей среды, медийные и рекламные стратегии;

- проживание пространства повседневной жизни в качестве эмоционально-художественного опыта, индивидуализация траекторий восприятия и вкуса.

Обозначенные подходы объединяет поле художественной интеграции новейшей архитектуры, воплощаемое сегодня на стыке ключевых ориентиров, которые можно укрупненно обозначить как «концепция», «театр», «дизайн» и «естественно-природное начало». В известном смысле они выходят за рамки порядка, установленного принятой в архитектуре триадой Витрувия «польза, прочность, красота», являясь не вполне привычными как для профессионала, так и для сегодняшнего адресата архитектуры [2]. В то же время, их появление обусловлено цивилизационными процессами, в том числе тенденциями к открытости и интерактивности среды жизнедеятельности человека.

Сегодня архитектура активно проявлена в общенаучном поле, в социальном и экологическом контекстах, балансирует на границе с художественными практиками. Посредством реальных художественных интервенций, фестивальной среды и стрит-арта искусство совершило существенные шаги по освоению окружающего пространства навстречу архитектуре.

Выделим наиболее актуальные, на наш взгляд, тенденции и показательные примеры поиска и утверждения современного в архитектурной среде города. В рассматриваемый круг попадут только воплощенные и проверенные временем пространства и объекты, которые уже сейчас представляется возможным оценить с позиций пребывания там человека — нашего современника.

Современное как вызов

Вначале посмотрим в сторону заведомо современного, программно обозначенного как инновационное. В данном ракурсе может быть весьма показателен пример нового района CityLife в Милане (А. Исодзакки, Д. Либескинд, З. Хадид, П.П. Маджора, К. Густафсон, в процессе строительства) [4]. Это своего рода остров суперсовременного в городе с традицией: удобная инфраструктура, актуальная эстетика, звездная архитектура. Отношение к данной территории в профессиональной и социальной среде весьма неоднозначное, причем большинство плюсов и минусов в оценках основываются именно на принятии или неприятии очевидной новизны. Согласно традиции, начнем с позитивного.

Решение впечатляет своей смысловой цельностью: башни, названные в честь своих авторов, знаменитых архитекторов, и окружающие жилые комплексы, также авторские. Без преувеличения замечательно решенная как функционально, так и художественно, общественная площадь с выходом из метро и необходимой инфраструктурой. Все максимально удобно и модно. Здесь сразу же зарождаются первые сомнения. Наиболее принципиальное, лежащее на поверхности, коренится в отрицании истории. Действительно, на первый взгляд, о контексте Милана и его идентичности здесь не вспоминали. Предъявленная узнаваемость авторского почерка архитекторов широко растрогана, как, например, в случае стиля З. Хадид, а приемы благоустройства во

многочисленны. То и другое современно, но не может быть принято однозначно. Вместе с этим новые объекты (некоторые еще даже не закончены) уже рискуют устареть. Не будем спешить критиковать!

Попробуем разобраться и взглянуть шире. В первую очередь, шире чисто географически, территориально. И взгляд наш обнаружит историю, а также некоторые этические и стратегические ресурсы. Церковь Санта-Мария-делле-Грацие в далекой, но очевидной перспективе внутриквартальной пешеходной улицы жилого комплекса З. Хадид подтверждает связанность нового района с городской структурой и ценностным полем. Данное градостроительное решение, непрекращаемое в своей простоте и столь же амбициозное, фиксирует два полюса: жемчужина итальянской культуры, одно из сакральных мест на карте города и Европы — и новый центр как знак обновления, поиска будущего Милана.

С обозначенной высокой ролью район, кстати, справляется, несмотря на перегибы звездной игры. Вокруг возникает обновленная среда города по проектам местных архитекторов, отличающаяся изобретательностью, высоким профессионализмом и вкусом. Поблизости, рядом с Садами времени Ч. Дженкса, сформировался уютный жилой район по проекту Ч. Дзукки, а это уже иная, глобальная направленность. Таким образом, месту явно была нужна активация, вброс нового, отчасти агрессивного. Вероятно, в сегодняшнем медийном мире иначе не получается — требуется синергия подходов, встреча пользовательского, популярного, и профессионального режимов.

На актуальном творческом подходе архитектора Ч. Дзукки остановимся подробнее, так как в нем прошедшее интерпретируется как настоящее, а свой вызов архитектор адресует, скорее, одномерности и схоластичности охранных установок, равно как и излишней легковесности тотального обновления. Неслучайно Дзукки исследует тему традиционных миланских дворов «кортиле» XVI–XVII веков, их структуру и морфотипы вместе с категориями уюта и человекомерности, в чем явно присутствует витальное измерение среды. В его лексиконе фигурируют авторские понятия «домашней монументальности» и «единой бытовой ментальности» как сущностные ориентиры профессии. Ч. Дзукки обращается к ним на страницах монографии об известном миланском архитекторе Луиджи Качча Доминиони (1913–2016), в концепции итальянского павильона на

недавнем Экспо, в своих объектах. Его современные здания сохраняют обусловленную всей архитектурной традицией память об исконных пропорциях и членениях фасада, но словно покрываются бесконечным паттерном. Данный прием не просто визитная карточка архитектора, но и указание на пластическую связанность, единую природу уже сегодняшней архитектурной среды города.

Современное как причастное истории

Может ли быть современна история? Архитектурно-художественная история со-временна всегда. В том смысле, что всегда сопричастна времени, родственна ходу событий и вехам перемен. По-прежнему жива традиция и исконная народная архитектура, несмотря на то что вытеснена глобальным миром на некую культурную окраину. Однако в актуальной стратегии глокальности местное, коренное и универсальное, принадлежащее миру скоростей, технологий и медиа, встречаются, срастаются в единый образ. Некоторые традиционные культуры, к примеру азиатские, во многом хранят свои мировоззренческие, бытовые устои и пластические каноны в изначальном архетипическом виде, транслируя их в архитектуре. Показательна преемственность в культовой архитектуре. Так, современный храмовый комплекс Акшардхам в Дели (Akshardham Temple, 2005) воспроизводит самое полное представление об индийской традиции, включая масштаб, символику, богатый резной декор, претендуя на место притяжения, единения, сбережения нематериальных ценностей.

В европейском мире процессы наследования в архитектурной среде идут иначе, при этом тенденция живой и проживаемой истории сегодня явно выходит в лидеры. Реконструкция Башни Горани и жилой комплекс в Милане (Palazzo Gorani a Milano) по проекту Дж. Замботти (Gianluca Zambotti, 2017) представляет ансамбль в центре города, объединяющий исторические и новые объекты. Миниатюрная площадь сохранила все нюансы и характер традиции: масштаб, детали, подлинные памятники. При этом нового здесь количественно больше — это вся застройка по периметру. Авторы не реставрируют и не стилизуют среду, все объекты честны перед временем и историей. Свою историю наглядно демонстрирует и центральный объект — реконструированная башня с новой лестницей внутри. Примечательно,

что постройка хранит и показывает все следы времени, но в то же время имеет ряд существенных дополнений (лестницы, витражи). Окружающие здания современно лаконичны, сдержанны по пластике, но они берут у истории, пожалуй, главное: некий дух неправильности, еле уловимого хаоса — срезанные и наклонные углы, сдвиги окон, неожиданно возникающие на фоне нового фрагменты археологии. Эти черты появляются, как правило, с течением времени. Здесь они явлены сразу и выглядят органично. Ансамбль воспринимается как совершенно естественная среда города с историей. И в этом ракурсе прочитывается еще один план новизны, возможно, главный, связанный с обращенностью к человеку.

Фрагмент исторической среды получил обновленный статус — абсолютно живого места, проживаемой сегодня истории. Точнее, это место раскрылось сразу в нескольких планах восприятия: точка на «археологической тропе» Милана, новые жилые площади в центре города, утонченное и хрупкое пространство памяти. При всех иных достоинствах, введение истории места и вещественных памятников в реальный жизненный контекст, по сути, в современность, пожалуй, самое важное.

Современное как бизнес и медиа

Главный дизайнер Apple Джонни Айв приветствовал открытие нового бутика компании в Милане (Apple Store, команда Apple совместно с Foster + Partners, 2018) вдохновляющим высказыванием: «Работать на одной из исторических площадей Италии — это одновременно большая ответственность и прекрасный вызов. Мы соединили два основополагающих элемента итальянских площадей, воду и камень, добавив стеклянный портал. Это новый опыт ощущений: посетители входят в магазин через каскадный фонтан, который будто бы окутывает их»⁽¹⁾. Однако, приняв во внимание данный манифест, все же остановимся на ряде обстоятельств.

(1) В Милане открылся Apple Store с входом-водопадом по проекту Fosters + Partners // Strelka Magazine. 27 июля 2018. URL: <https://news.rambler.ru/other/40430944-v-milane-otkrylsya-apple-store-s-vhodom-vodopadom-po-proektu-fosters-partners/> (дата обращения 19.05.2019).

Постараемся быть честными, данный бутик Apple, как и другие офисы-близнецы продаж компании во многих городах мира, — дань моде. Это первый и главный тезис. Второй тезис оправдывает политику фирмы и даже отчасти возвращает в сферу культуры: эта мода действительно во многом демократична, экологична, эстетична... Более того, она во многом и создается данным брендом. Ситуация более чем неоднозначна и очень современна! Мы имеем дело с коллективным автором и коллективным потребителем. Их мотивы в конечном итоге просты — встроиться в общество потребления с максимальной выгодой. Результат приятный, приемлемый, но все же настораживающий.

Современное как искусство рассказа личной истории

Современное искусство в совокупности его практик, пожалуй, ассоциируется с наибольшим вызовом, провоцирует множество споров, восхищений и недовольств. Однако и в этом многообразном, бурлящем мире прослеживаются упрямые тенденции, которые можно назвать попытками самоопределения. Однообразие приемов утомляет и, конечно, начинает противоречить задачам творчества. В этом разрезе наиболее существенными представляются не оппозиции «старое — новое», «традиция — современность», а противостояние массового и авторского, честного и поддельного, витального [3] и окаменевшего, личного языка художника и универсализированных клише. Понятно, что и в этих дефинициях не все просто, так как актуальный художник зачастую обращается к потребительскому мнению и стилю мышления. Обобщая, предположим, что одной из пиковых тенденций в искусстве, к которому не исчерпан лимит доверия, выглядит документальная тема, исповедь художника. Отметим, что идея далеко не нова — достаточно вспомнить перформансы Марины Абрамович или вымышленную документацию Ильи Кабакова. Естественность, достоверность, документальность в кино, театре, танце приобрела статус тренда фестивалей.

Потребность человека присмотреться и прислушаться к себе без прикрас объяснима, а вот момент соседства и взаимного прорастания действительности и воображения требует исследования или, во всяком случае, пристального внимания. И конечно, отдельная тема — «достоверность» пространства и среды жизни человека,

«документальность» его сегодняшнего окружения. Просматриваемая здесь тавтология задает много вопросов относительно механизмов восприятия и самосознания в сегодняшнем социуме.

Творчество актуального немецкого художника А. Кифера современно и сегодня широко известно. Однако большинство проектов автора адресуют к наследию — культурному или человеческому. Действительно, в произведениях А. Кифера современность максимально растянута, представляя длящуюся историю человека и культуры. В поистине оркестровом, тотальном произведении «Семь небесных дворцов» в Ангаре Биккока в Милане (2004–2015) автор одновременно рассказывает как минимум три или четыре истории. Первая — сугубо личная — драма детства художника, проведенного в послевоенном руинированном городе. Это буквально показывают семь пугающих конструкций из бетона, составляющих основной каркас инсталляции, а также авторская живопись на стенах. Фактура полотен из песка — символа времени. Опора авторской концепции обнаруживается в истории сакральной, изложенной в древнем иудейском писании: о ступенях восхождения к истине и высшему Началу. Здесь важно отметить, что автор попутно обращается в сторону контекста места, интерпретируя тему железнодорожного сообщения, издавна совершаемого в этой части города. Жанр сайт-специфик позволяет находчиво поработать в этом направлении. Так, опалубкой для всех частей башен послужили стандартные грузовые контейнеры, задавшие характерный рельеф.

Главный нерв повествования и его основная проблематика коренится в размышлениях художника, преимущественно печальных, о возможности (или невозможности) человеческой истории без войн и разрушений... Здесь можно разглядеть историю желаемую, на которую автор робко надеется, в которую верит и призывает нас присоединиться. При этом базисом обновления мира становится знание, на что красноречиво намекают свинцовые книги, положенные в основания башен. Когда мы совершаем путешествие внутри художественного произведения, представляющего встречу реальностей или сгусток историй, от мифологических до документальных, то невольно понимаем, что сами становимся сопричастны этому длящемуся нарративу. Здесь проглядывает еще одна интегральная история, принадлежащая каждому посетителю, — по сути, современ-

ность. Современность по Киферу, в которую включены персоналии из прошлого (как в известной серии по В. Хлебникову), книжные истины, сегодняшние случайные прохожие...

Современное как художественная реальность

Современный мир столкнулся с постоянно длящимся кризисом реальности, когда человек не удовлетворен происходящим с ним и практически во всех областях, включая его пространственное окружение. Возможно, здесь проявлена неотъемлемая черта «общества спектакля», о котором писал Ги Дебор, «мусорного пространства» Р. Колхаса, либо общества потребления как такового, ежедневно требующего новых развлечений. Искусство, безусловно, встроено в сегодняшний потребительский режим, но, к счастью, имеет и свою автономию. В средовом измерении важно, что художественные практики могут помочь в преобразении реальности и в созидании новых реальностей, не прибегая к существенным физическим действиям, свойственным строительному искусству. С другой стороны, само созидание не следует понимать одномерно, так как в искусстве и в его архитектурно-художественных формах по-прежнему пронзительно проявлен автор, болезненные состояния, тяжелые воспоминания и непростые судьбы.

Так, С.С. Ступин в серии научных исследований поднимает сложнейшую проблему мироощущения сегодняшнего человека в художественной проекции, когда пиковый порыв чувств и артистизм сопровождается ощущениями тревоги, одиночества, отчаяния [8]. Экзистенциальное измерение может помочь полнее осмыслить контексты творчества как такового, находящегося в постоянном диалоге полюсов.

Таким образом, актуальные художественные практики имеют далеко не только манифестный характер воздействия, но и серьезный средовой потенциал, зачастую формируя реальные условия и событийную программу городской жизни. Грани между арт-объектом, произведением и архитектурной формой или пространством при этом практически стираются, что помогает перевести бытовую реальность в реально проживаемый художественный образ. Для современного города это задает социально востребованный ресурс.

Необходимо отметить многомерные перформативные качества архитектурной среды, сосуществующей с человеком в материальном и нематериальном аспектах, обновляющейся и ветшающей, одновременно проникающей в мир живой и неживой природы. Сущностное значение этого качества, а также всего сверхфеноменального опыта человека в его пространственном окружении подчеркивает М.Р. Невлютов [5]. Вхождение художника и архитектора в области рефлексии по поводу *соучастия* с природой и с ходом самой жизни стало знаковым маркером современности, в определенной степени оспорив приоритет шокового эффекта и громкости высказывания. Ощутим поворот в сторону тихого течения повседневного.

Вернемся к бытованию искусства в художественно-образном поле значений, где по-прежнему сильны зрелищные стратегии. Театральность стала одной из социально востребованных граней архитектуры, предполагающей средовые сценарии, световые эффекты, медиаобразы, близкую коммуникацию с пользователем. Калейдоскоп выразительных тем и стилей, коллаж материалов, фактуры и цвета, игра прозрачностей и отражений соединяются в концепции города-театра, рождающей иллюзорный мир.

Возможности виртуализации среды существенно расширили границы реальности, при этом задав определенный, хоть и далеко не бесспорный, стилиевой канон. Действительно, эксперименты в этой сфере, в первую очередь, ожидаемо обращены в сторону генерации альтернативных фантастических миров, что находит свое подтверждение в так называемой спекулятивной архитектуре. Более прагматический ракурс новых цифровых средств в профессиональном арсенале проявлен в феномене дополненной реальности, вступающей в непосредственное взаимодействие с жизненным окружением человека. Результаты указанных новаций не всегда перешагивают уровень модной забавы или игры, однако потенциально они далеко не столь поверхностны, так как во многом наследуют традицию визионерского проектирования и бумажной архитектуры, преодолевая ограничения, заданные графическими средствами.

Большинство современных архитектурно-художественных кругов взаимных влияний концентрируются вокруг человека, образуя новую социально ориентированную эстетическую платформу архитектуры и средового дизайна. Пластические языки, естественные мотивы,

концепции, виртуальные ресурсы, социальные запросы встречаются в поле художественной интеграции. Новые интегральные произведения не только созвучны течению жизни, но и ведут постоянный диалог с адресатом, в котором архитектор-художник или художник-архитектор апробирует свое авторское послание.

Искривление пространства и идея пустоты в современной пластической традиции

Среди всего спектра постоянно обновляемой лексики, форм и приемов новой архитектуры особое место занимает мотив плавной кривой и искривления пространственных характеристик, на чем следует остановиться отдельно. Устойчивая художественная традиция пластической культуры характеризуется плавностью очертаний, текучестью формы, нелинейностью структур. С одной стороны, в этом явно просматривается модель мировосприятия современного человека, пребывающего в неопределенности, а также логика и философия постнеклассической науки, во многом отделившейся от признания порядка в сторону многомерности, хаоса и сложной цикличности.

С другой стороны, пластичное можно понять как органическое, биоморфное, находящееся в постоянном развитии, дружественное живому природному началу. Обозначенные подходы часто пересекаются, в том числе концептуально, соединяясь в едином потоке. Противопоставляя прежней, излишне канонизированной тектонике новую, свободную от прямого угла и ограничений трехмерного пространства, авторы вновь стремятся к определенным правилам и законам, которые сегодня практически сложились в «органический ордер». К его истокам отнесем «линию красоты» У. Хогарта, «сферическую перспективу» К. Петрова-Водкина, эксперименты Отдела органической культуры ГИНХУКА под руководством М. Матюшина, духовные и формальные поиски П. Кондратьева и В. Стерлигова — последователей К. Малевича [6]. В новейшей архитектуре лидерство в интерпретации потенциала кривой принадлежит параметрической доктрине П. Шумахера и творчеству З. Хадид, включая ее графические серии. История пространственной кривизны продолжается...

Еще одна актуальная, но берущая начало в традиции тенденция представлена эстетикой пустого пространства и его разновидностями:

ми: воплощениями японского культурного архетипа тени и «серым рикю» К. Курокавы, минимализмом и «молчаливой» скандинавской архитектурой, идеей пустот-активаторов Б. Чуми, отсылающей к философии точки-события А. Пуанкаре. В авторском методе дематериализации Ж. Нувеля или в «мерцательности» Э. Диллер и Р. Скофидио обнаруживаем своего рода временное исчезновение или забвение материальной стороны здания.

Совместные размышления о пространственной кривизне и пространстве отсутствия не случайны, так как, вращая друг в друга, они ведут к еще одному интегральному проявлению архитектуры: одновременно текучей, органичной, мягкой, «отзывчивой» (термин параметризма) и словно зараженной вирусом активной пустоты для свободных функциональных трансформаций в пространстве и времени. Адресатом такая небезопасная, но влекущая энергия возможных метаморфоз считывается и ощущается по принципу открытой формы, когда в незаполненном зарождаются произвольные смыслы и ассоциации, воспоминания и предчувствия.

Современное как взгляд в будущее

Современное как новая тектоника со всей бескомпромиссностью предъявлена в здании Rolex Центра Федеральной политехнической школы Лозанны (EPFL, Швейцария, 2010, архитекторы Кадзуйо Сэдзима (Kazuyo Sejima), Рюэ Нисидзава (Ryue Nishizawa) из японского бюро SANAA). Во многом объект представляет реализованную мечту об идеальном пространстве согласованности всех компонентов жизни, прежде всего начала интеллектуального и экологического, как идее наиболее естественной среды. Неслучайно эстетика архитектуры рождает параллели с неким вымышленным жизнеустройством, миром кинофантастики — рафинированными интерьерами, стерильной обстановкой, мягким светом. Кстати, такой рассеянный свет был осознанным выбором архитекторов, следующих исконно японской концепции тени (в данном случае — полутени).

Сформированное пространство непрерывно и криволинейно, в нем практически не существует барьеров, что и было программным требованием заказчика: междисциплинарные взаимосвязи как новый подход к овладению знанием. Посетитель погружается в особую

органически развивающуюся среду, единое текучее пространство, преодолевшее декартову систему координат. Объект пронизывает во всех измерениях и формирует не только интерьер, но и внешнее окружение, определяя его конфигурацию. Пористая изогнутая пластина центра одновременно представляется высокотехнологичной мембраной и листом, выросшим на дереве будущего.

Геометричность данного «растения» не должна удивлять, так как оно заведомо, по природе своей, технологично и архитектурно — симбиоз науки, техники и природы средствами дизайна. В этом смысле вспоминаются отчасти пророческие фантазии К.Э. Циолковского «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» [7]. Великий исследователь предрекал замкнутые шаровидные образования, живые и самодостаточные. В Лозанне предложен опытный образец такого «живого» пространства уже сегодня, при этом без покушения на здравый смысл: реальная жизнь проживается живыми людьми, посетителями, а архитектурная среда является лишь максимально приспособленной для этого оболочкой. Ценно, что архитекторы, работающие на острие современности, ментально продолжают древнюю японскую традицию создания теневых полупространств и согласия с природой. Ультрановое оказывается версией исторического, эксперимент — веткой на дереве истории.

Заключение. Среда и современник

Человек и среда живут в едином потоке, определяя и формируя друг друга. При этом житель чаще всего недоволен своим окружением. Другими словами, мы обнаруживаем несоответствие наших запросов и пространства жизни. Но это только один ракурс... Среда по природе своей обладает инерцией, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, любая среда, даже совершенно новая, без явных следов прошлого, является наследником истории и культуры. Пространство смыслов не только хранит и транслирует геном цивилизации, питая и воспитывая нас, но и ставит неудобные вопросы. Действительно, совсем не прозрачен вопрос наследия и его судьбы, далеко не столь одномерен вопрос достижения абсолютного комфорта или выбора стилистики. Встречаясь с этими вызовами, человек просто вынужден

отходить от предзаданных клише или идиллических утопий. Среда всегда сложнее...

Вторая причина кроется в материальности среды, множестве соучастников процессов ее создания, длительности во времени. В этом еще один отрезвляющий ответ нашим порывам и амбициям. Художественное качество, безусловно, также включено в этот длящийся цикл. Образную сторону архитектуры оспаривают, пытаются канонизировать, концептуализируют, соблазняют модой или дизайном. Мы очаровываемся и разочаровываемся, но всегда требуем от среды быть современной (в одном из значений) или, как полюс, быть подлинно исторической, нетронутой. Все сходится на самом актере или созерцателе, то есть на нас — на человеке, на социуме, иной раз на «лирическом герое», когда мы сами не можем определить и меняем свою роль.

Вероятно, присутствует еще одна причина несовпадений ожиданий и реальности — чисто психологическая. Человек привык быть требователен к окружающим. Именно в этой логике зачастую акцентируется понятие современного как желаемого, искомого жизнеустройства: комфортного, эстетичного, демократичного, экологичного, доступного. Ряд может быть продолжен. Очевидна привычка к потреблению и легким, доступным результатам, а также настораживающая мания недовольства, которое может быть трактовано как своего рода неуважение к сложности системы и ее участников.

Исходя из высказанной критики, следует пожелать нашему современнику если не сменить, то существенно пересмотреть потребительский режим отношения к среде, тем более что предпосылки очевидны. Признание сложности жизни, уважительное, но не музейное включение истории в русло современности, точные и искренние художественные прочтения и смелые средовые интервенции, наконец, пространственные эксперименты, — все это делает среду нашим живым соучастником. Среда — наш современник, притом что заведомо старше и каждый раз моложе нас. Эта аксиома понятна, но важна расстановка акцентов, когда мы начинаем понимать и принимать свое жизненное пространство не как предзананную мертвую схему или просто строительный материал, а как живой, дышащий, мыслящий организм. Организм или даже «личность» как проекцию

великого множества самоценных личностей, обладающую целостным сознанием прошлого, настоящего и будущего.

Несмотря на многие проблемы, сегодня виден интерес к среде со стороны пользователя: иной раз наивный, медийный, сиюминутный, но по большей части обнадеживающий. Сближение социального и профессионального полей не может состояться без определенных уступок, обобщений и потерь. Эта еще не вполне состоявшаяся, только намеченная встреча по-новому открывает потенциал архитектурной среды и дает возможность современному войти в культурное и ментальное поле своего современника. Эта встреча не может быть абсолютно бесконфликтной, но должна становиться более естественной, доверительной и творческой. В данном ракурсе напрашивается перефразировать устойчивое выражение: не «среда для жизни», а жизнь в среде как интегральном всеобъемлющем начале.

Современное также не может полностью избежать конфликта и определенной агрессии в уже сформированной среде — материальной или метафизической — новое всегда по меньшей мере непривычно. Мы можем перевести это столкновение в формат продуктивного спора, диалога, сотворчества. Почва для такого формата уже во многом подготовлена, если рассматривать обновления как очень личное (живое, «документальное»), а не внешнее или постороннее. Такое отношение предполагает иную степень ответственности и иной формат вовлеченности человека (вне зависимости от прямой или профессиональной заинтересованности). Таким образом, искомый подход опирается на максимальную включенность архитектурной среды в поле культуры современного человека, позволяя ей стать нашим полноправным современником.

Список литературы:

- 1 Волчок Ю.П. Протяженность во времени понятия «современность» в отечественной архитектуре XX–XXI веков // Современная архитектура мира. Вып. 11 (2/2018) / Отв. ред. Н.А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 9–38. <https://doi.org/10.25995/NIITAG.2019.11.2.015>.
- 2 Гельфонд А.Л. Адресат архитектуры и жизнеспособность архитектурного объекта // Теория и история архитектуры. Выпуск 1: XI Иконниковские чтения: Материалы научной конференции / Отв. ред. и сост. И.А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. М.; СПб.: Коло, 2020. С. 31–50.
- 3 Дуцев М.В. Архитектурная среда. Витальное измерение // Художественная культура. 2021. № 2. С. 8–37. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-2-8-37>.
- 4 Дуцев М.В. Искусство и среда города в потоке жизни // Современная архитектура мира. Вып. 11 (2/2018) / Отв. ред. Н.А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 155–180. <https://doi.org/10.25995/NIITAG.2019.11.2.021>.
- 5 Невлютов М.Р. Перформативность архитектуры // Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик: коллективная монография / Авт.-сост. и отв. ред. Т.Г. Малинина. М.: БуксМАрт, 2020. С. 216–225.
- 6 Пространство Стерлигова: альбом. Выставка группы Стерлигова / Авт. ст. М. Герман, И. Карасик, Л. Гуревич. СПб.: П.Р.П., 2001. 208 с.
- 7 Русский космизм: антология / Борис Гройс. М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2015. 235 с.
- 8 Ступин С.С. Искусство и пределы человеческого. Опыт экзистенциального искусствознания. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 256 с.

References:

- 1 Volchok Yu.P. Protyazhennost' vo vremeni ponyatiya "sovremennost'" v otechestvennoj arhitekture XX–XXI vekov [The Length in Time of the "Modernity" Concept in the Russian Architecture of the 20th–21st Centuries]. *Sovremennaya arhitektura mira* [Modern Architecture of the World]. Issue 11 (no. 2, 2018), ed. N.A. Konovalova. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 9–38. <https://doi.org/10.25995/NIITAG.2019.11.2.015>. (In Russian)
- 2 Gel'fond A.L. Adresat arhitektury i zhiznesposobnost' arhitekturnogo ob'ekta [The Addressee of the Architecture and the Viability of the Architectural Object]. *Teoriya i istoriya arhitektury. Issue 1: XI Ikonnikovskie chteniya: Materialy nauchnoj konferencii* [Theory and History of Architecture. XI Ikonnikov Readings: Materials of the Scientific Conference], ed. I.A. Dobricyna. Moscow, St. Petersburg, Kolo Publ., 2020, pp. 31–50. (In Russian)
- 3 Dutsev M.V. Arhitekturnaya sreda. Vital'noe izmerenie [Architectural Environment. Vital Dimension]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2021, no. 2, pp. 8–37. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-2-8-37>. (In Russian)
- 4 Dutsev M.V. Iskusstvo i sreda goroda v potoke zhizni [Art and the City Environment in the Flow of Life]. *Sovremennaya arhitektura mira* [Modern Architecture of the World]. Issue 11 (no. 2, 2018), ed. N.A. Konovalova. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 155–180. <https://doi.org/10.25995/NIITAG.2019.11.2.021>. (In Russian)
- 5 Nevlyutov M.R. Performativnost' arhitektury [Performativity of Architecture]. *Hudozhestvennye miry XXI veka. Puti integracii arhitektury i art-praktik: kollektivnaja monografija* [Artistic Worlds of the 21st Century. Ways of Integrating Architecture and Art Practices: A Collective Monograph], ed. T.G. Malinina. Moscow, BuksMArt Publ., 2020, pp. 216–225. (In Russian)
- 6 *Prostranstvo Sterligova: al'bom. Vystavka gruppy Sterligova* [Sterligov Space: Album. Exhibition of the Sterligov Group], authors M. German, I. Karasik, L. Gurevich. St. Petersburg, P.R.P. Publ., 2001. 208 p. (In Russian)
- 7 *Russkij kosmizm: antologiya* [Russian Cosmism: Anthology], Boris Grojs. Moscow, Ad Marginem Press Publ., cop. 2015. 235 p. (In Russian)
- 8 Stupin S.S. *Iskusstvo i predely chelovecheskogo. Opyt ekzistencial'nogo iskusstvoznaniya* [Art and the Limits of the Human. The Experience of Existential Art Studies]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2020. 256 p. (In Russian)

Ил. 1. Жилой комплекс CityLife. Милан, Италия. Архитектор З. Хадид. 2013. Фото М.В. Дутцева

Fig. 1. CityLife Residences. Milan, Italy. Zaha Hadid. 2013. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 2. Сад времени в парке Портелло. Милан, Италия. Архитектор Ч. Дженкс, LAND. 2012. Фото М.В. Дутцева

Fig. 2. Time Garden in Portello Park, Milan, Italy. Charles Jencks, LAND. 2012. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 3. Жилой комплекс La Corte Verde. Милан, Италия. Архитекторы Ч. Дзукки, Ф. Поли. 2006–2013. Фото М.В. Дутцева

Fig. 3. La Corte Verde residential complex. Milan, Italy. Cino Zucchi, Filippo Poli. 2006–2013. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 4. Реставрация башни Горани и жилой комплекс Palazzo Gorani. Милан, Италия. Архитектор Дж. Замботти. 2017. Фото М.В. Дутцева

Fig. 4. Palazzo Gorani residential complex. Milan, Italy. Gianluca Zambotti. 2017. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 5. Магазин Apple Store. Милан, Италия. Apple совместно с архитектурным бюро Foster + Partners. 2018. Фото М.В. Дутцева

Fig. 5. Apple Store. Milan, Italy. Foster + Partners. 2018. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 6. Ансельм Кифер. Семь небесных дворцов (The Seven Heavenly Palaces). Культурный центр «Ангар Бикокка» (Pirelli Hangar Bicocca). Милан, Италия. 2004–2015. Фото М.В. Дутцева

Fig. 6. The Seven Heavenly Palaces. Anselm Kiefer. Pirelli Hangar Bicocca, Milan, Italy. 2004–2015. Photo by M.V. Dutsev

Ил. 7. Учебный центр Rolex Федеральной политехнической школы Лозанны (EPFL). Интерьер. Лозанна, Швейцария. Архитектурное бюро SANAA. 2010. Фото М.В. Дутцева

Fig. 7. The Rolex Learning Centre, Federal Institute of Technology Lausanne (EPFL). Interior. Lausanne, Switzerland. SANAA. 2010. Photo by M.V. Dutsev

